

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарность выражается редакторам «Антологии Городских огней № 4», «Интенсива от первого лица», журналов «Ловкач» и «Журнал Рогнера»¹, где первоначально публиковались некоторые главы отсюда.

---

¹ «City Lights Anthology» (1974) — сборник поэтических и прозаических текстов авторов издательства «Городские огни» (с 1953), выходивший под ред. основателя издательства и одноименного книжного магазина Лоренса Ферлингетти. «First Person Intense» (1978) — антология прозы, написанной от первого лица, вышедшая в издательстве «Vandanna Books» под ред. его основателя Саши Ньюборна. «Hustler» (с 1974) — американский мужской и порнографический журнал. «Rogner's Magazin» — немецкий культурно-политический журнал, издавался в Мюнхене с 1977 г. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Сколько хороших мужиков оказалось
под мостом из-за бабы.

Хенри Чинаски

Этот роман — художественное произведение, и ни один персонаж не призван намеренно изображать реальное лицо или сочетание реальных лиц, живых или же мертвых.

1

Мне уже стукнуло 50, и в постели с женщиной я не был четыре года. Подруг у меня не водилось. Я глядел на женщин всякий раз, проходя мимо на улицах или еще где, но глядел без желания и создавая тщетность. Дрочил регулярно, однако сама мысль завести отношения с женщиной — даже на не-сексуальной основе — была выше моего воображения. У меня имелась дочь 6 лет, внебрачная. Она жила с матерью, а я платил алименты. Я был женат много лет назад, когда мне исполнилось 35. Тот брак длился два с половиной года. Моя жена со мною разошлась. Влюблен я был всего один раз. Она умерла от острого алкоголизма. Умерла в 48, а мне было 38. Жена была на 12 лет моложе меня. Полагаю, сейчас и она уже умерла, хотя не уверен. Шесть лет после развода она писала мне длинные письма к каждому Рождеству. Я ни разу не ответил...

В точности не помню, когда впервые увидел Лидию Вэнс. Лет 6 назад, наверное, я только-только бросил службу на почте, где просидел двенадцать лет, и пытался стать писателем. Я был в ужасе и пил больше обычного. Пробовал писать первый роман. Каждую ночь за работой выпи-

вал пинту виски и две полдюжины пива. Курил дешевые сигары, печатал, пил и до зари слушал классическую музыку по радио. Я поставил себе целью десять страниц в ночь, но всегда только на следующий день узнавал, сколько написал на самом деле. Обычно я поднимался утром, блевал, потом выходил в переднюю комнату и смотрел на тахту — сколько страниц. Свою десятку я всегда превышал. Иногда там лежало 17, 18, 23, 25 страниц. Конечно, работу каждой ночи нужно было либо чистить, либо выбрасывать. На первый роман у меня ушла двадцать одна ночь.

Хозяева двора, где я тогда обитал, сами жившие в глубине его, считали меня полоумным. Каждое утро, когда я просыпался, на крыльце у меня стоял большой коричневый бумажный пакет. Содержимое менялось, но обычно внутри лежали помидоры, редиска, апельсины, зеленый лук, банки супа, красный лук. Довольно часто по ночам я пил с хозяевами пиво, часов до 4–5 утра. Старик отрубался, а старуха и я держались за руки, и я ее порой целовал. В дверях всегда припечатывал ей по-настоящему. Ужасно морщинистая, но что ж тут поделаешь. Она была католичкой и выглядела очень славно, когда надевала розовую шляпку и воскресным утром отправлялась в церковь.

Наверное, я познакомился с Лидией Вэнс на своем первом поэтическом чтении. Оно проходило в книжном магазине на Кенмор-авеню — в «Подъемном мосту». Опять-таки, я был в ужасе. Надменен, но в ужасе. Когда я вошел, оставались только стоячие места. Перед Питером,правлявшим ла-

вочкой и жившим с черной девчонкой, лежала куча налички.

— Вот срань, — сказал он мне, — если б я всегда мог их так сюда напихивать, мне б еще разок на Индию хватило.

Я вошел, и все захлопали. В смысле поэтических чтений мне предстояло порвать себе целку.

Я читал 30 минут, затем назначил перерыв. Я еще был трезв и чувствовал, как на меня из темноты пристально смотрят глаза. Подошли поговорить несколько человек. Затем в затишье приблизилась Лидия Вэнс. Я сидел за столом и пил пиво. Она возложила обе руки на край, нагнулась и посмотрела на меня. У нее были длинные каштановые волосы — приличной длины, — выдающийся нос, а один глаз не совсем сочетался с другим. Но она пыхала жизненной силой — от такой не отмахнешься. Я чувствовал, как между нами побежали флюиды. Некоторые — замороженные и нехорошие, но все равно были. Она посмотрела на меня, я посмотрел на нее. На Лидии Вэнс была замшевая ковбойская куртка с бахромой на вороте. Грудь у нее ничего. Я ей сказал:

— Мне б хотелось содрать с вашей куртки бахрому — это для начала.

Лидия отошла. Не подействовало. Никогда не знаю, что говорить дамам. Ну и корма же у нее. Я наблюдал за этой прекрасной кормой, когда Лидия отходила. Зад джинсов обнимал ее, и я следил за этой женщиной, пока она отчаливала.

Я закончил вторую половину чтений и забыл о Лидии, как забывал обо всех женщинах, которых обгонял на тротуарах. Забрал свои деньги, подписал несколько салфеток, несколько клочков бумаги, затем поехал назад, домой.

Я по-прежнему работал каждую ночь над первым романом. До 6.18 вечера никогда писать не садился. В такое время я отмечался на проходной своего крыла терминала на почтамте. А они заявили в 6 вечера: Питер с Лидией Вэнс. Я открыл дверь. Питер сказал:

— Смотри, Хенри, смотри, что я тебе привез!

Лидия запрыгнула на журнальный столик. Джинсы сидели на ней еще туже. Она мотала длинными каштановыми волосами из стороны в сторону. Она была безумна; она была дивна. Впервые я задумался, не заняться ли с ней любовью. Лидия взялась читать стихи. Свои. Очень плохо. Питер пытался ее остановить:

— *Нет! Нет! Никаких рифм в доме Хенри Чинаски!*

— Да пусть читает, Питер!

Я хотел поглядеть на ее ягодицы. Она расхаживала взад-вперед по старенькому журнальному столику. Затем пустилась в пляс. Размахивала руками. Поэзия была ужасна, тело и безумие — отнюдь.

Лидия спрыгнула.

— Как тебе понравилось, Хенри?

— Что?

— Поэзия.

— С трудом.

Лидия замерла со своими листиками стихов в руке. Питер ее облапал.

— Давай поебемся, — сказал он ей. — Кончай, давай поебемся!

Она его оттолкнула.

— Ладно, — сказал Питер. — Тогда я поехал.

— Ну и вали. У меня своя машина, — ответила Лидия. — К себе я и сама доберусь.

Питер подбежал к двери, остановился и обернулся:

— Ладно, Чинаски! Не забывай, что я тебе привез!

Он хлопнул дверью и был таков. Лидия присела на тахту, поближе к двери. Я сел примерно в футе и посмотрел на нее. Выглядела она великолепно. Я боялся. Протянул руку и коснулся ее длинных волос. Они были волшебны. Я отдернул руку.

— И все эти волосы в самом деле твои? — спросил я. Я знал, что так оно и есть.

— Да, — ответила она, — мои.

Я взялся рукой за ее подбородок и очень неумело попробовал повернуть ее голову к себе. Я никогда не уверен в таких случаях. Я слегка ее поцеловал.

Лидия подскочила:

— Мне надо идти. Я плачу няньке.

— Послушай, — сказал я, — останься. Заплачу я. Останься ненадолго.

— Нет, не могу, — ответила она. — Идти надо.

Она пошла к дверям, я следом. Открыла дверь. Потом обернулась. Я потянулся к ней еще один, последний раз. Она запрокинула голову и выделила мне крохотный поцелуй. Затем отстранилась и вложила мне в руку какие-то машинописные листки. Дверь закрылась. Я сел на тахту с бумагами в руке и стал слушать, как заводится ее машина.

Стихи были скреплены вместе, откопированы и назывались «ЕЁЁЁЁЁ». Я прочел несколько. Интересные, полны юмора и чувственности, но плохо написаны. Авторы — сама Лидия и три ее сестры, все вместе — такие задорные, такие храбрые, та-

кие эротичные. Я отбросил листики и раскупорил пинту виски. Снаружи было темно. Радио играло в основном Моцарта, Брамса и Бе.

2

Через день или около того по почте пришло стихотворение от Лидии. Длинное и начиналось так:

Выходи, старый тролль,
Вылазь из темной норы, старый тролль,
Вылезай к нам на солнышко, и
Давай мы вплетем маргаритки тебе
в волосы...

Дальше стих рассказывал мне, как приятно будет танцевать в полях с некими ланями женского полу, которые принесут мне радость и истинное знание. Я убрал письмо в комод.

На следующее утро меня разбудил стук в стеклянную панель входной двери. На часах было 10.30.

— Уходите, — сказал я.

— Это Лидия.

— Ладно. Минутку.

Я натянул рубашку, какие-то штаны и открыл дверь. Потом сбегал в ванную и проблевался. Попробовал почистить зубы, но только блеванул еще раз: от сладости зубной пасты вывернуло желудок. Я вышел.

— Ты болеешь, — сказала Лидия. — Мне уйти?

— Да нет, все нормально. Я всегда так просыпаюсь.

Лидия выглядела неплохо. Сквозь шторы просачивался свет и сиял на ней. Она подбрасывала в руке апельсин. Тот вращался в солнечном свете утра.

— Я не могу остаться, — сказала она, — но хочу тебя кое о чем попросить.

— Давай.

— Я скульптор. Я хочу вылепить твою голову.

— Ладно.

— Надо будет прийти ко мне. Студии у меня нет. Придется дома. Ты ведь не станешь из-за этого нервничать, правда?

— Не стану.

Я записал ее адрес и как добраться.

— Постарайся подъехать часам к одиннадцати. После обеда дети из школы приходят, а это отвлекает.

— Буду в одиннадцать, — пообещал я.

Я сидел напротив Лидии в обеденном уголке. Между нами лежал крупный ком глины. Она принялась задавать вопросы.

— Твои родители еще живы?

— Нет.

— Тебе нравится Лос-Анджелес?

— Мой любимый город.

— Почему ты так пишешь о женщинах?

— Как — так?

— Сам знаешь.

— Нет, не знаю.

— Ну, я думаю, жалко, если человек, который пишет так хорошо, просто ни черта не знает о женщинах.

Я ничего не ответил.